

КАЖДАЯ ЗВЕЗДА ГОРИТ В СВОЕ ВРЕМЯ

Один известный поэт сказал так: «Для меня языки народов, как звезды на небе. Чем больше звезд, тем светлее, ибо они дают свой свет всем, даже не знаящим, как называется та или иная звезда, как часы она зажигается. Каждая горит в свое время и на своем месте. И всем от этого светлее и ярче живется».

Эту космогоническую метафору можно перенести на литературу: чем больше талантливых произведений на самых разных языках, тем богаче человечество, тем светлее от этого всем, ибо литература не замыкается в узких национальных рамках, ее образы преодолевают пространство, расширяя сферу своего воздействия. Доказательством этого является литература современной Литвы и как часть ее — драматургия Юозаса Грушаса.

Я люблю его пьесы за присутствие им редкое качество увлекательности. Их интересно читать — это достигается не всегда и не всеми авторами, — потому что Грушасу известны секреты мастерства живой лепки людей и необычных событий, в которых они участвуют. Начавши читать эти пьесы не так легко отрывается от них, какие бы конфликты, какие герои и времена истории не возникали на этих загадочно привлекательных страницах.

Вместе с тем пьесы Грушаса поднимают большие, иногда самые главные вопросы жизни человека и дают нам возможность следить за острой и глубокой мыслью, заветной мыслью писателя.

«Всякое творчество, — говорит сам писатель, — есть борьба — хаосом, и потому в основе его должно лежать конструктивное мышление. Главным, очевидно, должно быть то, ради чего стоит издавать книгу или поднимать

театральный занавес». Не случайно он называет искусство «ареной сознания», где художник утверждает победу высоких гуманных идей.

Драматург, мудрый и проникновенный, Грушас думает о сложном духовном мире человека, о его судьбах в разные времена его бытия. Он ведет нас порой — в таких светлых и ярче живется», как «Швитригайла», «Барбора Радвилайте» или «Геркус Мантас» — в глубины истории, к трудным дням формирования страны, к тем испытаниям, когда давние предки современных литовцев искали разрешения драматичнейшей судьбы своей родины, установления в ней царства добра и разума.

Эти трагедии не хотелось бы замыкать в рамки исторического жанра (хотя история в них представлена широко). Ибо само решение их конфликта лирично, остро и поэтично. Я назвала бы их трагедийными поэмами. Свою излюбленную мысль о значении воли и разума человека в истории писатель развивает с глубоким драматизмом, переживая вместе с героями столкновения и катастрофы их судеб.

С настоящей экспрессией прочерчен внутренний путь первого князя древней Литвы, юного Швитригайлы; мы видим в нем психологию личности, постигающей мир; все содержание этой трагедии — тщетные поиски князем свободы для родины, справедливости и добра, поиски трагедийные, ибо они кончаются тем, что Швитригайла, протестующий против «мирового безумья», сам приобретает к этому безумью...

С другой стороны подходит автор к проблеме добра и зла в «Барборе Радвилайте», где на первый план выходит перенесенный образ умной и сердечной литовской женщины, взявшей на себя миссию бо-

рыбы против античеловеческой политики захватчиков и агрессоров, которую поддерживал католический Рим. Но один в поле не воин — Барбора погибает, и дикие нравы средневековья торжествуют над поведением гуманности.

Барбора остается в памяти людей утренней птицей, так и не увидевшей рассвета.

И, наконец, в судьбе Геркуса Мантаса — вождя вольнолюбивого племени пруссов — встает диалектическое разрешение гордиева узла противоречий: организованная борьба за свободу родины, борьба объединенных одной целью людей. Геркус ведет разумную и последовательную борьбу, им движет высокая цель — цель всей его жизни. Но и он не может уйти от противоречий: его невесту сжигают на костре лишь за то, что она одной крови с завоевателями. И тут рушится броня неуязвимости, которой одета душа героя. Он не дрогнет, он останется на посту, но облик Кристины, нежной, преданной, готовой на подвиг и на мученья, выявляет не только его мужество, но и сухость неуязвимого идеального героя.

Способность возводить факт в поэзию и находить обобщенный смысл в житейских столкновениях движет не только теми пьесами Грушаса, где герои сотканы из поэтических нитей легенд и преданий прошлого.

Берясь за современные драматические конфликты, он и в них видит больше, чем факт. Его стремление к поэтическому обобщению реальных явлений сказалось в построении современной драмы «Любовь, черт и джаз»: в основе ее лежит одна из тех историй, которые подсказали писателю жизнь, — и его, писательская, забота о состоянии нравственности и морали современной молодежи.

С редкой тонкостью проследивает Грушас сложность душевной жизни подростков и школьников, которая имеет такую же значимость, как конфликты общего значения. Особой глубиной и грацией отмечен образ девочки Беатриче, выросшей без родителей и сохранившей душевную чистоту и доверие к жизни. Не случайна ее любовь к красоте и музыке, как не случайно носит она имя дантовской герцогини: в построении пьесы, именно в образе Беатриче — поэтическое страдательное начало, противопоставленное практицизму. И именно ее мечты оказываются грубо осмеяны и растоптаны разнузданной молодежью из джаза, которая издевательски венчает Беатриче бумажной короной.

Смерть Беатриче — не только катастрофа, но и протест — единственно возможный в тех условиях, в которых остается она — одна против трех озверевших парней. Эту пьесу можно назвать одной из лучших, одной из острейших среди драм, посвященных проблемам современной морали.

А тема светлой, преданной женской души, старающейся сохранить в человеке очистительную веру в добро и красоту, проходит через все пьесы этого драматурга.

Параллельно в них развивается и контрастная тема зла и жестокого себялюбия. Если в исторических трагедиях Грушаса идея зла получает символические очертания, как скажем, в зловещем облике королевы-отравительницы Боны или в мрачной фигуре фанатика Кольтиса, сжигающего невесту Геркуса, то пьесы, отражающие современные конфликты, открывают психологию зла иным стилистическим ключом. И в пьесе о молодых парнях, не сумевших оценить и по-

нять, что они топчут и уничтожают, и в пьесе о зрелом человеке, предавшем своего друга ради спасения своей жизни, — «Тайна Адамаса Брунзы» — мы находим великопные образцы психологического проникновения в тайные подвалы совести. В «Тайне Адамаса Брунзы» мы становимся свидетелями борьбы между совестью и трусостью в сознании главного героя пьесы, не выдержавшего испытания на звание человека.

Построенный с большим искусством, — как разговор Адамаса с его, принявшей человеческий облик совестью, — сюжет этой пьесы настраивает нас на аналитическое восприятие происходящего в ней. Тут особый интерес вызывает сопоставление двух характеров: Адамаса, который стал предателем, и Даугирдаса, мужественно перенесшего пытки в фашистских застенках. Адамас был физически силен и вынослив, а поэт Даугирдас — слаб и боялся боли. И как раз Адамас предал, а Даугирдас устоял. Душа победила телесную слабость. Жизнь поэта оборвалась. Жизнь предавшего продолжается, но это жизнь мертвеца — так сам Брунза называет себя. Брунза терзается своей неполноценностью, он пытается найти спасение в создании памятника Поэту, оправдаться в собственных глазах. Но все тщетно. И когда Брунза видит, что будущее отказывается от него — в лице им встреченного сына — он сам уходит из жизни, понимая, что ничем нельзя заманить душу, проданную за свое благополучие. И никто, кстати сказать, не замечает его кончины. Этот герой Грушаса из тех, в душе которых победила тьма — черт сделал свою выгодную сделку.

Грушас не приемлет компромисса в деле выполнения долга совести, который стоит перед каждым человеком. Долг

этого требователен, в него входит все — от верности и любви к родной земле, до простейшего, казалось бы, умения оставаться самим собой в любых обстоятельствах.

Он умеет об этом говорить и в масштабных трагедиях, и в психологических драмах, и в философской комедии (такой является его «Цирк» — изящная пьеса парадоксов). «Уберите из жизни бесчеловечность», — говорят его древние герои. «Уберите бесчеловечный формализм и циничную подлость», — говорит циркачка Джене, — уклончивость, ложь, холуйство, лицемерие, взяточничество»...

Дjene — друг и опора Клоуна Филиппа Короля, которого прозвали еще Кузнечиком.

Его понатыны его сомнения, его стремление пролить свет на все неблагополучия в Цирке, его самоотверженный протест. Замечательна эта пара, испытывающая то драматичнейшие по духу, то почти фарсовые перипетии. И Джене и Клоун написаны в совершенно особой, своеобразной стилистике философского гротеска. Филипп Король Кузнечик — печальный клоун, но его шутки и репризы остры, точны и отнюдь не пессимистичны. Как большинство грушасовских героев, выведенных в других пьесах, герои «Цирка» верят в успех своего дела, — вот в чем их сила, этих героев разных времен и верований. На весах жизни в конечном счете, говорит Юозас Грушас, должно перевесить добро! Об этом он рассказывает и в той истории, которая произошла с его героем Плиосом, из пьесы «Плиос не хочет быть умным».

Я думаю, что все они, его герои и не герои, Грушасу дороги: это ведь его создания, его дети, он им отдал часть жизни, с ними он встречает сегодня свое 80-летие.

Н. ВЕЛЕХОВА.

г. Москва.